

Фрагмент романа

Leif Randt

Schimmernder Dunst über Coby County

Berlin Verlag, Berlin 2011

с. 2-17

Лайф Рандт

Призрачный блеск Коби-Каунти

Перевели с немецкого участники семинара
молодых переводчиков под руководством
Марины Кореновой (Немецкий культурный центр им. Гете,
Санкт-Петербург):

Анна Баренкова

Альбина Бояркина

Евгения Гаврилова

Ия Константинова

Вероника Кричевская

Екатерина Ошарина

Алина Павлова

Екатерина Поризко

Наталья Прохорова

Юлия Самуленок

Виталий Серов

Елена Смолгина

Полина Черниговская

Поскольку сегодня моей маме исполняется шестьдесят пять лет, на верхней террасе толпятся пенсионеры в бежевых дождевиках. На небе гроздятся облака, накрапывает мелкий дождик. Мама произносит несколько приветственных слов и обращает внимание собравшихся на бар. Там стою я и машу рукой. Мне трудно различить, кто из присутствующих мамины друзья, а кто просто отдыхающие. Большинство гостей производит на меня приятное впечатление, потому что от быстро выпитого аперитива глаза у них светятся теплом и лаской. Этим людям я кажусь мальчишкой. И это при том, что я уже семь месяцев как окончил учебу, при том, что я сам зарабатываю себе на жизнь и на мне приличная дорогая рубашка. Отель принадлежит маминому спутнику жизни, его зовут Том О`Брайен, и он вальяжно прогуливается по собственной крыше. Ему всего пятьдесят семь. Периодически он проходит мимо бара и шутит: *«Ну что, Вим, а не выпить ли нам еще по водке с яблочным соком?»* Водка с яблочным соком - это наш с ним дежурный прикол с тех пор, как меня вырвало тут в холле семь лет назад. Я достаю из контейнера под стойкой бара холодное пиво и протягиваю Тому. У Тома узкие плечи, на нем пиджак из тонкого вельвета, светлые джинсы и замшевые ботинки. Прежде чем продолжить свой путь, он выставляет ладонь, и я звонко хлопаю по ней, как мы делали с друзьями в хайскул, нарочито и немного неестественно. Этот многоэтажный отель Том построил одиннадцать лет назад, с моей мамой он вместе семь лет, она разрабатывает маркетинговые программы, находящие живой отклик у самых разных возрастных групп. Даже некоторые из моих друзей при случае останавливаются здесь весной. Я ничего не имею против, ведь я же люблю и Тома О`Брайна, и его отель, и маму. В своем строгом брючном костюме, с классической короткой стрижкой она выглядит невозмутимой и очень элегантной. В самом начале вечера я спрашиваю ее, многих ли из присутствующих на крыше она знает лично. Она оглядывается по сторонам и отвечает: *«Навскидку тридцать восемь процентов»*. Мама живет в Коби-Каунти уже больше сорока лет, и мне кажется, она реально смотрит на вещи. Я наливаю ей полный стакан пепси-колы. Гости заказывают в основном лёгкие коктейли, и у меня появляется ощущение, что пожилые обитатели Коби-Каунти пьют как те, кто еще только знакомится с алкоголем. Словно замыкается некий круг, и разные поколения нашего города

оказываются связанными между собой дружескими узами. Хотя, честно говоря, я не могу назвать присутствующих здесь «пожилыми», скорее им подходит определение «активные женщины и мужчины, давно перешагнувшие шестидесятилетний порог». Вероятно, многие из них приехали в Коби-Каунти двадцатилетними, как и мои родители, сначала они открывали тут издательства и киностудии, потом концептуальные рестораны. Я вдруг осознаю, что все эти хорошо одетые взрослые люди со стеклянным блеском в глазах, стоящие сейчас передо мной на крыше, были в свое время прогрессивной молодежью. Когда моросящий дождик превращается в ливень, многие из гостей вскидывают руки к небу и принимаются танцевать. Они двигаются так, будто все одновременно вспоминают старые видеозаписи своих давнишних танцев под дождём. У мамы с волос стекает вода и бежит по лицу, она смеётся и зовет всех под крышу, в отель. Над барной стойкой, за которой я стою, натянут тент, я слушаю, как по нему барабанит дождь, и убираю бутылки с белым вином в контейнер. Вскоре дождь по звуку уже напоминает град, а тент начинает хлопать под порывами ветра. Я уношу холодильник с террасы, на которой всё ещё танцуют пятеро промокших насквозь пенсионеров. Я улыбаюсь им. Ураганы и бури - совершенно нормальное явление для 13 февраля, и моя мама всё подготовила на этот случай.

В номерах-люкс на девятом этаже гости снимают мокрую одежду и погружаются в теплые ванны. Некоторые из них наверняка вовсю веселятся, лихо взбивая пену, которая разлетается по всем углам. Я стою босыми ногами на кафельном полу с подогревом в номере 914. Все готово, от ванны с горячей водой идет пар, на бортике блестит ведро с шампанским. Неожиданно открывается дверь. На пороге появляются мисс Джолин Колфилд, в прошлом профессор политической экономики, и подвыпивший мамин кузен, они радостно приветствуют меня, снимая махровые халаты. Я затягиваю тесемку на плавках и подбираю едва намечающийся живот. Мамин кузен – забыл, как его зовут, – демонстрирует свое накачанное тело и самоуверенно выпячивает грудь, поросшую светлыми волосами. Он первым залезает в ванну. Несмотря на овальную форму, она свободно вмещает трех человек. *«Может быть, тебе неприятно с нами?»* Мне не довелось учиться у Джолин Колфилд, но я слышал о ней много хорошего. Я отвечаю: *«Ну что вы»*. Вскоре нас до плеч скрывает пена, мы почти

задеваем друг друга ногами и пьем шампанское, передавая бутылку по кругу. Я сижу в изголовье ванны, слева – Джолин Колфилд, справа – кузен, я предпочел бы взять для шампанского бокал. Из динамиков под потолком раздается мамин голос. Она выражает надежду, что нам всем хорошо и мы уже согрелись, и приглашает нас на фуршет. Джолин Колфилд делает большой глоток шампанского и спрашивает о моих планах на весну. Я смотрю на черные бретельки ее купальника. Старшее поколение жителей Коби-Каунти почему-то считает, что для нас, молодых, мир радикально трансформируется с приходом весны. Как будто на период с марта по май мы превращаемся в каких-то совершенно несолидных персонажей. Скорее всего, они думают так потому, что об этом пишут в разных журналах, посвященных культуре и бизнесу. Там регулярно публикуются репортажи о весне в Коби-Каунти и начинаются они, как правило, с таких заставок: «Уже десять утра, но молодая пара из Бристоля (Великобритания) и не думает прекращать свои танцы на пляже». За подобными фразами следуют данные статистики, которые даже у местных жителей вызывают сомнения, а потом снова идут весенние зарисовки, причудливо разбавленные личными впечатлениями.

Чтобы пресечь возможные попытки бывшего профессора политической экономики и накачанного кузена рассмотреть, не выходя из ванной, и мою персону в этой плоскости, я заявляю, что будущей весной отправляюсь в путешествие: *«Меня интересует, как протекает весенняя жизнь в других местах»*. Потом я умолкаю и наблюдаю за тем, как они задумчиво сидят в пене. Наверное, пытаются решить, в чем тут дело - то ли я очень странный молодой человек, то ли у них самих совершенно неверные представления о современной молодежи. В действительности же я не собираюсь никуда уезжать, если честно, я жду весну в Коби-Каунти с таким же нетерпением, как и все остальные. Джолин Колфилд протягивает бутылку сквозь влажный пар. Бутылка запотела, я беру ее, отпиваю и удивляюсь, что шампанское еще не выдохлось. И тут кузен прерывает молчание: *«Не пора ли нам пойти на фуршет, как вы считаете?»* Он вылезает из ванны, волосы у него на груди слиплись в белесые пряди. Он растирает их полотенцем, а потом хлопает в ладоши. Я и мисс Колфилд почти синхронно выбираемся из воды.

На фуршете я встречаю маму, она держит в руке очередной стакан пепси, ее волосы высушены и уложены. Она спрашивает, с кем мне посчастливилось принимать ванну. Я рассказываю и добавляю, что все обошлось без приключений, мама иронично улыбается и гладит меня по голове: *«Многие еще продолжают плескаться, - говорит она, - может, завяжется парочка романов»*. Я серьезно киваю, мама в ответ смеется: *«Ах, Вим, когда-нибудь ты станешь проще смотреть на некоторые вещи»*. Я снова киваю и со вздохом облегчения наливаю себе в тарелку немного супа-пюре с фенхелем. Прежде чем отойти, мама быстро обнимает меня и говорит: *«Скоро весна!»* Я пишу Уэсли СМС и сообщаю, что в том кругу, к которому принадлежат наши матери, ждут весну с таким же нетерпением, как и мы. При этом я не сказал бы, что наши матери принадлежат к одному кругу. Ведь мать Уэсли стала неоспиритуалисткой и полтора года назад покинула Коби-Каунти. Его отец, известный веб-дизайнер, живущий из соображений принципиального аскетизма в более скромной квартире, чем сын, не стал удерживать жену. Уэсли постоянно твердит, что любит Коби-Каунти. Он собирается взять отпуск в марте-апреле, чтобы вновь плотно пообщаться с молодыми туристами из мегаполисов западного мира. Уэсли, конечно, не отказался бы пообщаться и с представителями прочих культур, но они в Коби-Каунти не приезжают. Во всяком случае, у меня такое впечатление. С другой стороны, я совсем не уверен, что смог бы распознать этих представителей прочих культур. В этническом отношении Коби-Каунти отличается большой разнородностью. У меня, например, кожа довольно белая, а кожа Уэсли скорее цвета охры. Но все-таки сразу видно, что у нас общее прошлое, ведь на наших куртках крупными буквами вышито название одного и того же учебного заведения. Мы оба учились в школе искусств и экономики. Уэсли выбрал «Историю искусства после 1995 года», а мой курс назывался «Современный международный маркетинг в области литературы». И сегодня у нас есть работа, которая ни в одном городе мира не оплачивается так хорошо. Я литературный агент, представляю молодые дарования, некоторые из них еще не достигли совершеннолетия, я исправляю ошибки в их текстах, а потом договариваюсь с издательствами об авторских правах и роялти. В текстах моих писателей-тинейджеров бушует могучая языковая стихия, они показывают нам, старшей молодежи, как ощущает жизнь младшая молодежь: этим деятелям школьные будни и

каникулы, похоже, представляются безумным экзистенциальным приключением, а не ироничной романтической комедией, в которой довелось поучаствовать нам с Уэсли. В их возрасте мы полагали, что жизнь – это череда коротких эпизодов. Мы все когда-то проходили через первую любовь, далее следовали сцены страстных объятий на лужайках. Затем нас ждали трагедии расставаний, которые мы заглушали буйными танцами на пляже. Принцип заключался в регулярном повторении этой последовательности: страсти, расставания, танцы.

Всю праздничную ночь я разговариваю с людьми, которые знали меня еще маленьким мальчиком в джинсовой курточке. Чем больше я пьянею, тем сильнее меня трогают их теплые слова: прежде я, дескать, был совсем уж бледненький, а теперь я и улыбаюсь чаще, и это мне к лицу, и рубашка моя мне тоже к лицу. Они спрашивают, есть ли у меня сейчас кто-то, подруга или друг, и я отвечаю, что Карла сегодня, к сожалению, нездорова и лежит с грелкой в моей постели. В действительности Карла лежит без грелки и в своей собственной постели, и пока она простужена, встречаться мы не собираемся. Мы переписываемся, говорить по телефону мы оба не мастера. В трубке мой голос звучит устало и раздраженно, даже когда я ничуть не устал и не раздражен. Мне нравится умение Карлы находить все новые лаконичные метафоры для того, чтобы написать, как ей меня не хватает. В какой-то момент я начинаю вести с мамиными гостями разговоры, которые в трезвом состоянии были бы мне противны. Я говорю, что рано утром мне надо быть в агентстве, и многие обнимают меня на прощание.

В День святого Валентина в кинотеатре на променаде всегда устраивают премьеры. В этом году показывают «Призрачный блеск Коби-Каунти», слегка подкрашенную полную версию, то есть, строго говоря, никакая это не премьера, и все же билетов уже давно не достать. Нам в агентство прислали семь, пять из них взял себе шеф, Кальвин Ван Перси, два осталось. Карлу я даже спрашивать не стал. Во-первых, она простужена, а во-вторых, прекрасно знает, что мы с Уэсли никогда не пропускаем премьеры в День святого Валентина, такая у нас традиция. «Призрачный блеск Коби-Каунти» - документальная картина, в которой без прикрас показана беззаботная жизнь в нашем городе. За этот фильм молодая французская режиссерша два года назад получила специальную премию Каннского фестиваля. Правда, говорят, что наградили ее совершенно

незаслуженно, но с тех пор, как фильм идет в европейских артхаусных кинотеатрах, число интересных туристов, наезжающих к нам весной, заметно возросло.

Уэсли заходит за мной в агентство слишком рано, до премьеры еще целых два часа, поэтому я варю кофе и ставлю блюдо с фруктами на старый дубовый стол в кухне. Я разливаю кофе по чашкам, на которых нарисованы морды зверюг. Морды зверюг – это наш дежурный прикол. «Откуда у вас этот древний стол?» - спрашивает Уэсли и проводит рукой по дубовой столешнице. Я отвечаю: «Кальвин Ван Перси привез его от бабушки, чтобы стол придавал нашей кухне душевность, без которой не получишь хорошего текста». Уэсли усмехается, и я усмехаюсь в ответ. В международной прессе уже несколько лет циркулирует мнение, что тексты из Коби-Каунти при всем их стилистическом совершенстве далеки от реальных жизненных проблем. Одной из своих основных задач я считаю проведение разъяснительных работ среди юных авторов, которым я указываю на все это вранье в электронных и печатных СМИ: недавно на сайте «Ле Монд» появилось утверждение, будто рынок уже пресытился шикарными изданиями романов о пляжных вечеринках. В действительности же наоборот, людям хочется узнать еще больше о том, как приятно проводить время в Коби-Каунти, и об этом свидетельствуют не только объемы продаж, но и общий повышенный интерес, который объясняется очень просто: тот, кто живет в другом месте, хочет представить себе здешнее раздолье, а все остальные хотят сравнить свои собственные ощущения от Коби-Каунти с тем, что испытывают герои текстов.

С первых кадров фильма публика принимается аплодировать. Сначала на экране возникает наш пляж в зеленоватой синеве дня, по всей вероятности апрельского. Слышен только шум моря. Затем следует резкая смена плана, и мы оказываемся в гуще безумного карнавала на фоне промзоны. Девицы в обнимку с парнями, всем лет по двадцать, танцуют и веселятся. «Вон! Это же я! Видал?» Я, как всегда, не заметил Уэсли, но все равно согласно киваю. Некоторые зрители громко вторят самым известным цитатам: «Мы мечтаем торговать мягким мороженым на Коулмен-Хиллс». И все смеются. Когда спустя восемьдесят две минуты на экране появляются

титры и я узнаю имена многих статистов, у меня возникает ощущение, будто зал охвачен теплым чувством всеобщего единения.

В фойе я сразу проверяю свой телефон: никаких сообщений от Карлы. Оказывается, она до сих пор еще в состоянии меня удивить. Уэсли говорит: *«Фильм показывает исключительно Коби-Каунти и одновременно отсылает к миру за его пределами.* - Он подносит соломинку ко рту и втягивает в себя значительную часть коктейля. - *Вот почему у картины такой успех на международной сцене».* Пока я не вижу повода возражать Уэсли. Но вскоре он изрядно напивается и возле барной стойки включается в бесконечную трепотню о фильме. Когда я покидаю фойе, Уэсли как раз общается с каким-то типом американской наружности, который, очевидно, переселился в наши края.

На улице бушует ураган. Зрители, вышедшие из кинотеатра, машут руками, подзывая такси, ветер яростно треплет их волосы и расшвыривает жестяные банки из забитых мусором урн. Я иду, прижимаясь к домам. Когда до моего жилища остается несколько шагов, я перехожу через улицу, с тревогой посматривая на островок безопасности и установленную там гигантскую рекламную бутылку шампуня, которая, того и гляди, рухнет и раздавит меня. Хотя я прекрасно знаю, что рекламные изделия фирмы «Коулмен-энд-Аура» делаются из пенопласта с тонким слоем папье-маше и раздавить никого не могут, а потому угрозы не представляют. Гигантская бутылка гнется на ветру, но твердо стоит на месте, намертво притороченная к своему постаменту.

Поспав всего лишь несколько часов, я выхожу в трусах на балкон. Юноши и девушки в светлой рабочей одежде прочесывают город и собирают то, что ветер разметал по улицам. Вооруженные большими щипцами ядовитой раскраски, они толкают перед собой синие мусорные баки на колесиках. Асфальт блестит в лучах утреннего солнца. Проходит какое-то время, прежде чем мой взгляд, наконец, падает на островок безопасности, и я замирю, в ошеломлении глядя с высоты третьего этажа на свежую дыру, образовавшуюся в привычном пейзаже. Вероятно, те самые уборщики в спецодежде еще рано утром сняли в плановом порядке старую рекламу и, скорее всего, заменят ее днем новой инсталляцией. Но я все равно чувствую, что вид оголившейся улицы меня угнетает, и сознаю, что я, похоже, совершенно неисправим. Когда я в детстве ездил с

родителями в машине, меня всегда огорчало, если в городе на месте старых плакатов вдруг появлялись новые. Родители утверждали, что это типичная детская реакция – взгляд ребенка ищет в окружающем мире четкие структуры. Подозреваю, я всегда был меланхоликом. Меняющиеся рекламные плакаты говорили мне, что время течет, что дни проходят и не возвращаются. Это была самая обычная меланхолия, которая убаюкивала меня на заднем сиденье родительской машины и от которой мне было хорошо, - чувство, не требующее никаких действий, и наверное, вполне безобидное, хотя и погружающее в пассивное оцепенение. И вот сейчас как раз наступает такой момент, когда я снова испытываю те же самые ощущения, непонятно почему. Одна из работниц в форме смотрит вверх, наши взгляды встречаются, и я скрываюсь в гостинной. Загорается экран мобильного. СМС от Карлы, в котором она оповещает меня, что насморк у нее прошел. Она спрашивает, как я перенес «наш ураган» и приглашает меня сегодня днем зайти к ней в гости.

Карла встречает меня в шортах и рубашке с глубоким вырезом и мелкими пуговицами. Когда-то я обратил внимание именно на ее идеальную кожу, блестящую, как гладкий нейлон. Ведь если быть откровенным, то я влюбляюсь только в женщин определенного типа: они похожи на худеньких девочек-подростков, хорошо одеты и выглядят вполне обеспеченными. И это несмотря на то, что с первых дней в школе учителя советовали нам соблазняться не видимостью, а истинной сущностью человека, независимо от класса, расы и пола. Особенно усердно они напоминали нам об этом перед началом летних каникул.

Карла целует меня в губы и, обнимая, кладет ладони мне на спину. Даже спустя два года этот жест не кажется мне избитым. Она спрашивает: «*Что случилось?*», так как я не отвечаю на ее поцелуй. Я говорю: «*Прости, задумался*». Затем я целую ее, Карла тянет меня по коридору, и дальше, мимо пианино, прямо в спальню. Она становится своими ступнями на мои, и мы в обнимку кое-как добираемся до кровати, занимающей центральное место в комнате. За широким окном видно море. Над морем нависают облака и стремительно проносятся птицы, словно их гонит приближающийся ураган. Когда Карла целует меня, на ее губах играет улыбка. Поэтому я тоже улыбаюсь, тем самым мы даем друг другу понять, что очень радуемся тому, что скоро, вероятно, займемся сексом. Мы

раздеваемся без особых выкрутасов: я просто стягиваю через голову свою футболку без принта, волосы электризуются, а Карла быстро расстегивает все пуговицы на своей рубашке. И вот, среди белого дня, мы уже лежим друг на друге. Карла делает вид, что ей хорошо: она запрокидывает голову и обхватывает руками мою попу. Я знаю, что зад у меня на ощупь упругий, как у хорошего спортсмена, и ни секунды не сомневаюсь в том, что мы приближаемся к освобождающей, хотя и немного банальной кульминации. И пока я об этом думаю, все и случается. Карла вопросительно поднимает бровь, ведь она хорошо меня изучила. Затем она преподносит мне сюрприз. *«Уйди-ка!»* - говорит она. Когда я слезаю с нее, она принимается за себя сама, демонстративно и совершенно раскованно, невероятно широко раскинув при этом ноги. Я все это время сижу голый на краешке кровати и смотрю в окно. Карла сосредоточенно сопит. На мгновение у меня возникает чувство, будто мы с Карлой оказались в каком-то фантастическом помещении для секса. Вероятно оттого, что ураганный ветер разорвал облака, и оттого, что на кровать неожиданно упал теплый солнечный луч. Вскоре и Карла достигает своего рода кульминации, затем мы целуемся, как люди, у которых серьезные отношения, то есть почти асексуально, и после нескольких коротких, довольно сухих касаний губами мы некоторое время еще сидим вместе в лучах солнца. Я говорю: *«Сегодня мы с тобой оказались в каком-то фантастическом помещении для секса»*. Карла улыбается и шепчет, что скучала без меня. Это высказывание, лишенное какой бы то ни было метафоричности, представляется мне абсолютно уместным.

Поскольку после секса нас потянуло на пироги, мы звоним в «БэйкериЭкспрессСервис». В «БэйкериЭкспрессСервис» работают исключительно студенты творческих специальностей, порой они держатся неуверенно и явно не слишком любят свою работу, но это даже очень симпатично. Раньше родители никогда не разрешали Карле пользоваться подобными услугами, так как были против разных несолидных служб доставки. Только после знакомства со мной она стала их настоящим фанатом. Иногда она рассказывает родителям по телефону, что мы как раз едим тот самый «обалденный пирог, который доставляют на дом». Мне видится в этом какое-то ребячество, ведь сейчас родители не пытаются больше изменить ее взгляды. Отец Карлы – музыкант, а мать – редактор

сетевых изданий, у них открытые отношения, они счастливы и вырастили Карлу потрясающей девушкой. В принципе, Карле не на что жаловаться.

Курьер, который принес пирог, производит впечатление человека робкого, он нерешительно протягивает нам заказ в коробке из экологического картона. Он не смотрит по сторонам, и я задаюсь вопросом, каким же он занимается творчеством, если, попав в незнакомую квартиру, не пытается ухватить как можно больше деталей. Когда он уходит, я делаю для себя вывод, что он не обратил внимания даже на пианино, за которым Карла, заколов волосы, так часто сидит и играет по вечерам. Возможно, она еще более музыкальна, чем ее отец, но она сознательно отказалась извлекать прибыль из своего таланта. И теперь она стоит передо мной в холле и подносит ко рту кусок своего любимого пирога. Она кусает, и на паркетный пол падают крошки. В том, с каким удовольствием Карла уплетает пирог, я вижу искренность и даже красоту. И тут она вдруг спрашивает: *«Ты всегда был таким?»* Помедлив, я отвечаю нарочито твердым голосом: *«Сама прекрасно знаешь. Ты ведь меня хорошо изучила»*. Мы оставляем крошки на полу и возвращаемся с коробкой в спальню. Карла достает какие-то фильмы. Следующие несколько часов мы проводим молча.

Ночью, лежа дома на матрасе шириной метр сорок, я обдумываю план написать Карле письмо, в котором давался бы развернутый ответ на ее вопрос. Всегда ли я был таким? Чтобы ответить на этот вопрос по существу, мне представляется необходимым последовательно изложить все с самого начала:

Я родился двадцать восьмого сентября, по рассказам – ослепительно солнечным днем, около пяти часов. Мама помнит, что температура воздуха на улице составляла приблизительно двадцать два градуса и что солнце уже было низко, а еще она помнит, конечно, корзину с фруктами, которую ей подарили от роддома, - большую корзину, полную яблок, и винограда, и мандаринов. Таких корзин давно уж не дарят - ни простым, ни коммерческим пациентам, их вручали только в течение трех лет родителям тех детей, которым сейчас от двадцати четырех до двадцати семи. Уэсли однажды заметил, что по нашей возрастной группе всегда будет видно: мы поколение фруктовых корзинок.

Помимо этого мама помнит поездку из роддома домой. Она сидела со мной на руках на заднем сиденье лимузина, который вел мой отец, выпустивший к этому моменту свою самую успешную картину, комедию «Мистер Чирлидер», и еще не снявший «Коста-Коста Каунти», - пошловатопустую мелодраму, которая впоследствии с треском провалилась в прокате. По словам мамы, уже во время первой поездки по Коби-Каунти она многое объяснила мне и показала из окна машины разные вещи, хотя, конечно, знала, что я, как все новорожденные, ничего толком видеть не мог.

Я рано начал посещать разнообразные тренинги и курсы: в парках на лужайках, в бассейнах, в классах, оборудованных плоскоэкранными мониторами. Самое же главное – в каждом районе работали многочисленные художественные студии. Я всегда плохо рисовал, но мои коллажи из цветной бумаги считались лучшими. Когда мне было десять, один из преподавателей сказал, что в перспективе я на своих коллажах смогу заработать много денег. Однако я прозанимался этим еще месяца четыре и отставил цветную бумагу, уже в раннем подростковом возрасте решив, что не стану связываться с изобразительным искусством. «*Я пойду другим путем*», - подумал я тогда, и это могло бы служить заголовком ко всему тому, что происходило со мной в последующие годы.

С Уэсли я познакомился в хоккейной секции, которую мы оба вскоре бросили. Нам было тогда лет одиннадцать, а потом, когда нам исполнилось по пятнадцать, период тренингов и курсов остался позади и наступила пора романов, расставаний и пляжных вечеринок. В сущности, как мне кажется теперь, эта стадия будет продолжаться вечно, ибо процесс взросления не имеет конца. Я горжусь тем, что никогда не занимался йогой. И каждый день радуюсь тому, что из меня не вышло чудо-повара. Оглядываясь назад, я могу сказать, что всегда держался определенной линии и не отклонялся от нее, благодаря чему и стал тем самым Вимом Эндерссоном, который теперь успешно работает на Кальвина Ван Перси и регулярно спит с талантливой Карлой Содербург. Трудно дать точное определение тому, из чего конкретно складывалась эта линия, ясно только, что она так или иначе связана с моими склонностями и предпочтениями. А сформировались эти склонности и предпочтения, скорее всего, в период между поездкой на заднем сиденье отцовского лимузина и первыми художественными

кружками, которые я начал посещать в возрасте трех с половиной лет, то есть в то время, о котором я ничего помнить не могу.

Выстраивая в голове последовательность событий в их причинно-следственных связях, я постепенно прихожу к заключению, что едва ли имеет смысл излагать эти обстоятельства еще раз в письме Карле. Ведь Карла и так давно уже все знает или, по крайней мере, представляет себе в общих чертах. Собственно, на это я и указал ей в прихожей, когда заявил, что она меня хорошо изучила.

Семнадцатого февраля, ровно за три недели до двадцатипятилетия Карлы и почти за две недели до начала весны, Уэсли вдруг предложил мне встретиться у фонтана в торговом пассаже «Коулмен-энд-Аура». Мы никогда не назначали здесь раньше встреч, и по телефону голос Уэсли звучал непривычно тихо и тускло. Стеклопанельная крыша пассажа составлена из бесчисленного множества матовых квадратов, предназначенных для разумного распределения солнечного света. Кроме того, по всему пространству развешены точечные светильники и все так подсвечивается, что если посмотреть на свое отражение в витринах, то собственная физиономия кажется особенно красивой и гладкой. Это место больше подходит для пожилых дам, думаю я и замечаю вдалеке Уэсли. Он сидит на краю фонтана и жуёт сэндвич с рыбой. «Как дела?» - спрашиваю я. Темно-русые волосы Уэсли зачесаны за уши. Такое впечатление, будто он только что искупался в морской воде, а потом, вместо того, чтобы вымыть и высушить волосы, просто вытер их полотенцем. «Я разговаривал с мамой, по телефону. Дела у неё так себе. То есть даже совсем плохи». - «Значит, она скоро вернётся?» Уэсли качает головой. «Нет, точно не вернется. Наоборот. Она очень беспокоится за нас... Она продолжает вести свои тренировки, к этим сеансам можно относиться по-разному, но дело не в этом, а в том, что в последний раз она работала со старыми видеозаписями и увидела нас с тобой. Нам там по шестнадцать лет...И теперь у неё из головы не выходит одна сцена».

Уэсли, похоже, изо всех сил старается не сбиться с рассказа и даже откладывает надкусанный сэндвич, который теперь лежит между нами. «С тех пор ее преследует одна и та же картина: мы в сумерках бежим по пляжу. На нас широкие нейлоновые ветровки, так что на первый взгляд мы выглядим как тогда, в шестнадцать лет, но лица у нас при этом совершенно

взрослые. Мы бежим по пляжу и смеёмся... И в какой-то момент мы проваливаемся. Весь пляж проваливается у нас под ногами. Как будто слой песка скрывал под собой ветхий купол, а под куполом оказался огромный, пустой зал...Теперь мама видит эту сцену на каждом сеансе. Она считает, что нам грозит внутренняя опасность, которая созрела в каждом из нас. Опасность, с которой мы столкнемся уже этой весной, весь Коби-Каунти столкнется с ней... Если только, конечно, мы не уедем из города».

Я беру сэндвич, который лежит между нами. *«Надеюсь, ты делаешь скидку на то, что твоя мама неоспиритуалистка?»*

«Моя мама большую часть жизни провела в Коби-Каунти, так же, как и мы, Вим. Она знает нас и знает этот город и никогда не обманывала меня».

Выйдя из пассажа, я замуриваюсь, теперь дневной свет кажется мне слишком ярким. Подъехало такси кремового цвета, и Уэсли машет мне ещё раз на прощание. Когда машина трогается с места, он опускает тонированное боковое стекло и что-то кричит мне, но я уже не могу ничего разобрать. Я не уверен, что Уэсли успел заметить мою озадаченность, я смотрю, как такси исчезает за поворотом и бросаю взгляд на телефон: никаких сообщений от Карлы. Вокруг царит полное безветрие, вдалеке шумит море, и солнце еще светит в полную силу.